

СМЫСЛЫ ИСТОРИИ РОССИИ

А.А. Кара-Мурза

ВОСТОЧНАЯ ТЕОКРАТИЯ НА СЕВЕРЕ ЕВРАЗИИ: «ПУТИ РОССИИ» В ИСТОРИОСОФИИ И.И. БУНАКОВА-ФОНДАМИНСКОГО

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

В статье исследуется вопрос об эволюции философско-исторических взглядов русского интеллектуала и политика Ильи Исидоровича Фондаминского (1880–1942; литературно-политический псевдоним «Бунаков»). Выходец из еврейской купеческой семьи, изучавший философию в Берлине и Гейдельберге, активный социалист-революционер, И.И. Бунаков-Фондаминский стал одной из ключевых фигур русской эмиграции. В годы немецкой оккупации Франции он принял православное крещение и закончил свой жизненный путь в гитлеровском концентрационном лагере (в 2004 г. канонизирован Константинопольским патриархатом). В центре внимания автора – историософская концепция «путей России», изложенная И.И. Бунаковым-Фондаминским в статьях 1920–1940-х гг. в парижских эмигрантских журналах «Современные записки» и «Новый град». Согласно Бунакову-Фондаминскому, историческая Россия – это «Восток на Севере», а ее судьба – это история «восточной теократии на севере Евразии», в течении нескольких веков «облучаемой» накалывающимися с Запада волнами вестернизации.

Ключевые слова: Бунаков-Фондаминский, Россия, философия, история, цивилизационная идентичность, эмиграция

Для цитирования: Кара-Мурза А.А. Восточная теократия на севере Евразии: «пути России» в историософии И.И. Бунакова-Фондаминского // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 2. С. 5–20.

«Цивилизационный метод» в изучении явлений мировой истории, после многих лет забвения, вновь входит в полную силу. Это не может не радовать философа истории, который, как я, исповедует его добрые четыре десятка лет¹.

В истории отечественной мысли не так много фигур, которые могут сравниться по глубине «цивилизационного» анализа с Ильей Исидоровичем Бунаковым-Фондаминским (1880, Москва – 1942, концлагерь Освенцим) –

---

¹ Из последних работ см.: Кара-Мурза А.А. Российский путь цивилизационного развития: «преемственность через катастрофы» (памяти В.М. Межуева) // Полилог/Polylogos. 2020. Т. 4. № 3. DOI: 10.18254/S258770110012818-1.

поистине культовой фигурой русского «освободительного движения» и революционной эмиграции. Анализу его историософского наследия и посвящена настоящая статья.

Между террором и святостью: веки пути Ильи Фондаминского (Бунакова)

И.И. Фондаминский родился в богатой купеческой семье и свой жизненный путь начал в традиционалистской московско-еврейской среде, где, по словам его друга и тоже будущего легендарного эсера, В.М. Зензинова, «отцы и дети принадлежали не только к разным поколениям, но и к разным мирам»².

Так случилось, что главными друзьями детства юного Ильи Фондаминского и четырех его сестер стали многочисленные внуки, внучки и зятя московского «чайного короля», миллионера Вульфа Янкелевича Высоцкого – именно они, получив образование в Европе (чаще всего – философское) составили со временем ядро партии социалистов-революционеров.

Ближайшим другом Фондаминского стал Абрам Гоц³, сын купца 1-й гильдии Рафаила Гоца и его жены Рахель-Фрейды Высоцкой. Был близок юный Фондаминский и к семье Гавронских – детям зятя и партнера Высоцкого, купца 1-й гильдии Осипа Гавронского и его жены Либы-Мирьям Высоцкой. С детства Илья был влюблен в Амалию Гавронскую⁴, на которой он женится в 1903 г. и с которой проживет долгую жизнь. Большую роль в его жизни сыграют братья Амалии – особенно Дмитрий Осипович, будущий известный философ-неокантианец, товарищ по Марбургскому университету Бориса Пастернака, любимый ученик Германа Когена, друг и биограф Эрнста Кассирера⁵.

Вместе с юным Ильей Фондаминским в этом молодежном кругу вращались отпрыски еще одного зажиточного московско-еврейского семейства – Тумаркиных. Илья, например, хорошо помнил, как в 1892 г. отправилась в Европу учиться философии его старшая приятельница Аня Тумаркина. Обучаясь сначала в Берлине под руководством Вильгельма Дильтея, а потом переехав в Берн и продолжив занятия философией под руководством Людвига Штайна, Анна Тумаркина в 1895 г. успешно защитила диссертацию по сравнительному анализу концепций Гердера и Канта, а три года спустя получила должность приват-доцента в Бернском университете, став первой в Европе женщиной – преподавателем философии⁶.

² Зензинов В.М. Памяти И.И. Фондаминского-Бунакова // Новый журнал. 1948. № 18. С. 300–301.

³ Гоц Абрам Рафаилович (1882–1940). Учился философии в Берлинском и Гейдельбергском университетах. Член Боевой организации эсеров.

⁴ Гавронская (Фондаминская) Амалия Осиповна (1882–1835) – жена И.И. Фондаминского. В начале 1900-х гг. училась философии в университетах Германии. Активная деятельница русской эмиграции.

⁵ Гавронский Дмитрий Осипович (1883–1949) – член партии эсеров. В 1910 г. окончил философский университет Марбургского университета. Доктор философии. В 1917 г. депутат Учредительного собрания. В эмиграции – профессор философии Бернского университета.

⁶ Тумаркина Анна Павловна (1875–1951). С 1908 г. профессор философии Бернского университета. 16 февраля 2000 г., в 125-летний юбилей А.П. Тумаркиной, одна из улиц старогоерна получила название *Tumarkinweg*. В Бернском университете организована программа ANNA, в память о знаменитой женщине-философе.

А в 1899 г., вслед за Анной, учиться философии в тот же Бернский университет отправилась ее племянница Мария Тумаркина⁷, дочь московского ювелира, подруга детства Ильи Фондаминского. В Европе Мария Тумаркина познакомилась с русским студентом Николаем Авксентьевым, отчисленным за революционную деятельность с московского юрфака⁸, за которого впоследствии вышла замуж.

В конце 1900 г., по примеру своих товарищей – Авксентьева, Марии Тумаркиной, Владимира Зензинова⁹, Илья Фондаминский отправился в Европу учиться именно философии – сначала в Берлинский университет, славный именами Фихте, Гегеля, Шеллинга. Вскоре, однако, обстоятельства заставили его покинуть Берлин.

В начале февраля 1901 г. один из его приятелей, Петр Карпович, приехавший в Берлин в 1899 г. после исключения из Московского, а затем Юрьевского (Тартуского) университета и ежедневно обедавший в кругу «русских берлинцев» в ресторане «Zum Franciskaner», неожиданно исчез из города. Спустя несколько дней, когда Фондаминский, Авксентьев и Зензинов проходили мимо газетного киоска, им в глаза бросилась вывешенная в витрине экстренная телеграмма: «С.-Петербург. Сегодня, на приеме у министра народного просвещения Боголепова, один из просветителей произвел выстрел в министра, смертельно ранив его в шею. Преступник схвачен. Он оказался приехавшим из-за границы бывшим студентом Петром Карповичем»¹⁰.

Начавшийся в России процесс над Карповичем (тот был в итоге приговорен к 20 годам каторги) насторожил «берлинских москвичей»: «Ведь Карповича здесь видели всегда вместе с нами. И мы на всякий случай решили покинуть Берлин – благо и зимний семестр уже кончался»¹¹.

Фондаминский, Зензинов и Абрам Гоц сговорились на летний семестр 1901 г. перевестись на философский факультет Гейдельберга: «Мы остановились на Гейдельберге не только из-за Куно Фишера, историю новейшей философии которого мы прилежно изучали по его многотомному сочинению... Многие немецкие студенты предпочитали из больших душных городов на летний семестр перебираться в какой-нибудь маленький и уютный университет и тем соединять полезное с приятным»¹².

⁷ Тумаркина-Авксентьева Мария Самойловна (1882–1976) – выпускница философского факультета Бернского университета. Вторым браком вышла замуж (1910) за литератора М.О. Цетлина. Парижский салон Цетлиных был одним из главных литературных центров русской эмиграции.

⁸ Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943). Учился философии в Берлинском, Лейпцигском, Гейдельбергском и Галльском университетах. Доктор философии; автор книги «Сверхчеловек. Культурно-эстетический идеал Ницше» (1906). С 1907 г. – член ЦК эсеровской партии. После Февральской революции – Председатель ВЦИК Всероссийского совета крестьянских депутатов; министр внутренних дел второго коалиционного Временного правительства. После большевистского переворота – глава Уфимской дирекции. Активный деятель русской эмиграции.

⁹ Зензинов Владимир Михайлович (1878–1953). Изучал философию, социологию, право в университетах Берлина, Галле и Гейдельберга. Член боевой организации эсеров, участвовал в подготовке терактов в Москве и Петербурге. После Февраля избран депутатом Учредительного собрания. После его разгона, на уфимском Государственном совещании избран членом Временного правительства. Активный деятель русской эмиграции.

¹⁰ Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 78.

¹¹ Там же. С. 79.

¹² Там же. С. 84.

В Гейдельберге Фондаминский и Абрам Гоц жили на *Карпфенгассе*, Амалия Гавронская – совсем рядом в женском пансионе, а Зензинов – в десяти минутах ходьбы от них, в *Шеффкльхаузе*, на другой стороне Неккара. «В десять часов мы обязательно каждый день все четверо встречались – Абрам, Фондаминский, Амалия и я – на лекции»¹³. После обеда кампания расходилась заниматься – или по домам, или в библиотеки: «В 4 или в 5 часов снова двухчасовая лекция – Куно Фишера: либо его классический курс по истории древней философии, где он всех древних философов цитировал наизусть, либо знаменитые толкования “Фауста” Гёте»¹⁴.

В 1903 г. Фондаминский женился на Амалии Гавронской: в качестве приданого он, сам человек небедный, получил, помимо крупной денежной суммы, еще и долю в чайных плантациях семьи Высоцких на Цейлоне. А в конце 1904 г. он, с философским дипломом Гейдельберга, вернулся в Москву и вскоре вошел в руководство эсеров, где, как искусный оратор, быстро выдвинулся. В 1905 г. он был кооптирован в ЦК, принял участие в организации московского декабрьского вооруженного восстания покупая на личные средства крупные партии оружия.

Весной-летом 1906 г. Фондаминский – один из ярких критиков «слева» либерально-кадетской Первой Государственной Думы. В те месяцы он, выступавший с докладами и в печати под псевдонимом «Бунаков»¹⁵, начал проявлять интерес к религиозно-философской проблематике, регулярно навещаясь, например, в редакцию журнала «Новый путь», издаваемого супругами Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус, будущими близкими друзьями по эмигрантскому Парижу.

После поражения первой революции Фондаминский вместе с женой Амалией Осиповной отправился в их первую парижскую эмиграцию, которая продлилась с 1907 по 1917 гг. По свидетельству очевидцев, он в те годы погрузился в теоретическую работу, собрал огромную библиотеку по русской истории, став одним из лучших специалистов по земельному вопросу.

После Февраля он вернулся в Россию, где вскоре был избран заместителем председателя Исполкома Совета крестьянских депутатов. Летом 1917 г., когда Авксентьев стал министром внутренних дел во Временном правительстве эсера Керенского, их соратник по партии Фондаминский был направлен главным комиссаром на Черноморский флот, где, завоевав авторитет среди матросов и офицеров, некоторое время успешно противостоял «большевизации» флота. На выборах во Всероссийское учредительное собрание Черноморский флот дал эсерам вдвое больше голосов, чем большевикам, а сам Бунаков-Фондаминский был избран депутатом¹⁶.

После разгона Учредительного собрания Фондаминский – активный член подпольного «Союза возрождения», а в начале апреля 1919 г. он вместе с женой отправился в их вторую французскую эмиграцию. В Париже он стал одним из соредакторов самого авторитетного русского журнала

¹³ Зензинов В.М. Пережитое. С. 86.

¹⁴ Там же. С. 87.

¹⁵ Фондаминский как-то признался, что ставший знаменитым псевдоним «Бунаков» он выбрал абсолютно случайно: направляясь на один из московских митингов, где ему предстояло выступать, увидел на Маросейке яркую вывеску с именем владельца.

¹⁶ Островская И.В. Выборы во Всероссийское Учредительное Собрание: Севастополь, сентябрь-декабрь 1917 г. // Причерноморье. История, политика, культура. 2018. № 24. С. 67–73; Зензинов В.М. Памяти И.И. Фондаминского-Бунакова. С. 313.

«Современные записки», в котором с 1920 по 1940 гг. публиковался «весь цвет» русской эмиграции. А в 1931–1939 гг. Фондаминский, вместе с Г.П. Федотовым и Ф.А. Степуном, издавал одновременно христианско-демократический журнал «Новый град».

В 1935 г. умерла Амалия Осиповна; в том же году Илья Исидорович вместе с философом Николаем Бердяевым и матерью Марией (Скобцовой), стал одним из основателей объединения «Православное дело».

В июне 1940 он уехал из Парижа от наступающих немецких войск в неоккупированную зону. После нападения нацистской Германии на СССР Фондаминский был арестован и, вместе со многими другими русскими, содержался в лагере Компьен, где читал заключенным лекции по истории России¹⁷.

20 сентября 1941 г., под праздник Рождества Богородицы, Фондаминский был тайно крещен в православной часовне, устроенной в одном из барраков. Его крестный отец, известный деятель христианского движения Федор Пьянов, свидетельствовал, что Илья Исидорович чувствовал себя спокойным, веселым и счастливым, был отныне готов даже и на смерть, поскольку познал, «что такое благодать»¹⁸.

В 1942 г. Фондаминский был отправлен из Компьена в пересыльный лагерь Дранси, а затем в Освенцим, где и погиб, не признавшись в христианском обращении, вместе с евреями 19 ноября 1942 г. В 2004 г. Священный Синод Константинопольского Патриархата канонизировал имя «мирянина-мученика Илии Фондаминского» (день памяти в Православной Церкви – 20 июля).

«Пути России» в контексте мировой истории

Начиная со второго номера парижских «Современных записок»¹⁹ (конец 1920 г.), организатор и соредатор журнала И.И. Фондаминский начинает печатать под псевдонимом «И. Бунаков» цикл статей-очерков под общим названием «Пути России», публикация которых растянется вплоть до последнего, семидесятого, номера журнала, вышедшего в 1940 г. уже в разгар второй мировой войны. Всего с 1920 по 1940 гг. увидели свет семнадцать больших очерков Бунакова из этого беспрецедентного по объему и глубине историософского проекта²⁰.

Как у большинства русских теоретиков-эсеров, принципиально отрицавших «западоцентризм» в осмыслении исторического процесса, в центре внимания И.И. Бунакова-Фондаминского – многообразие путей развития человечества. «Мы многого еще не знаем о культурах прошлого, как не можем

¹⁷ Полторацкая А.Н. Дневниковые записи Василия Сухомлина // Дом князя Гагарина: сборник научных статей и публикаций. Вып. 4. Одесса, 2007. С. 224.

¹⁸ Гаккель С., свящ. Мать Мария. 2-е изд. Париж, 1992. С. 203. Из лагеря Фондаминский сумел передать записку, в которой писал: «Пусть мои друзья обо мне не беспокоятся. Скажите всем, что мне очень хорошо. Я совсем счастлив. Никогда не думал, что столько радости в Боге» (там же).

¹⁹ Бунаков И. Пути России. Статья первая // Современные записки. 1921. Кн. II. С. 141–177.

²⁰ См.: Кара-Мурза А.А. Between East and West: Russian Identity in the Émigré Writings of Ilya Fondaminsky and Semyon Portugeis // The Palgrave Handbook of Russian thought. L., 2021. P. 293–316.

знать о потенциале развития тех или иных культур в будущем», – пишет он в одной из первых статей цикла²¹.

«Еще большее впечатление, чем открытие древних цивилизаций, – продолжает Бунаков, – произвело на Европу пробуждение старых культур Азии. Народы, уже давно отданные европейской наукой в ведение этнографии, оказались носителями глубокой и живой культуры, почти ничем не похожей на европейскую. Европейская культура – и в пространстве, и во времени – оказалась одной, хотя из немногих, но равных»²².

Бунаков был уверен: «Нет единого человечества. Оно не дано, оно духовно “задано”. Создастся ли – дело веры и духовного прозрения... Путь развития культур глубоко индивидуален... Многие явления, которые рассматривались как фазы общечеловеческого развития, оказываются выражением местной культуры – случайным эпизодом человеческой истории. И наоборот, громадные культурные явления – в особенности культур Востока, – не укладывающиеся в “схемы развития”, рассматривались как местные “особенности”»²³.

Подлинная история человечества, полагает Бунаков, протекает иным образом: «Культурные волны распространяются, покрывают друг друга, перекрещиваются, смешиваются. И в результате культурных движений создаются области более или менее однородной культуры – “культурные округа” человечества, которые, подымаясь над границами рас, языков и народов, связывают друг с другом отдельные государственные образования и создают между ними общность жизненных форм и взглядов»²⁴.

Выдвигая идею культурных округов человечества, Бунаков явно следует в русле теории «культурно-исторических типов» Н.Я. Данилевского²⁵: «Культурные округа имеют свои формы хозяйства, государства, религии, материального и духовного быта, даже собственные “лестницы развития”. Но и в пределах этих культурных округов далеко не все культурные формы однородны и распространение их далеко не непрерывно. Человечество слишком подвижно, и история его так многообразна. И все-таки только в “округах”, в этих культурных единствах, глубоко индивидуальных и неповторяемых, можно искать тайну рождения сложных и загадочных явлений истории»²⁶.

Парижская эмиграция, по преимуществу «западнически» настроенная, недооценила, при всем большом уважении лично к автору, философско-историческую концепцию Бунакова-Фондаминского. Достаточно привести фрагмент из рецензии известного литератора Марка Алданова (М.А. Ландау) в либеральных «Последних новостях» П.Н. Милюкова: «В статьях И.И. Бунакова проявляется несомненная тенденция сопоставлять цивилизации Западной Европы и Востока как приблизительно равноценные. С этим очень трудно согласиться... Видел я некоторые столицы восточно-азиатских и северо-африканских стран и, признаюсь, мне очень трудно понять ту выдуманную в профессорских кабинетах теорию, которая с некоторого птичьего полета приравняет эти “мировые центры” к Парижу и древним

²¹ Бунаков И. Пути России. Статья четвертая // Современные записки. 1922. Кн. XII. С. 170.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 170–171.

²⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2008.

²⁶ Бунаков И. Пути России. Статья четвертая. С. 171.

Афинам. Право, при оценке исторических цивилизаций не мешало бы установить какой-нибудь критерий, независимый от численности населения и от величины территории, подпавших под влияние данной цивилизации. Иначе мы всерьез придем к тому выводу, что современный Китай – первая страна на свете»²⁷.

Между тем главный объект внимания Бунакова-Фондаминского – историческая Россия. Свое исследование ее цивилизационного пути автор начинает с критики односторонностей исторической науки: «Русская историческая наука – дитя западной. Как вся западная наука второй половины 19-го века, она ищет последние причины исторических событий и видит их во внешних явлениях: природе, хозяйстве, военных нашествиях. Она недооценивает явления духа. Она не стремится проникнуть в душу народа и не ощущает тайны его индивидуальности... Она строит Россию на фоне Запада... Восток остается скрытым в тумане и почти сливается с “природой”... Современная историческая наука требует иного построения. Надо вдвинуть Россию в мировую историю»²⁸.

Уже сама пространственно-географическая рамка, в которой Бунаков-Фондаминский предлагает анализировать «пути России», крайне необычна для русской историософии XIX–XX вв. «Великий северный материк – Евразия, – пишет автор, – выходит в окружающий его со всех сторон океан глубокими выступами: на северо-востоке – большим полуостровом, конечные части которого составляют полуострова Чукотский и Камчатка, на юге – полуостровами Индокитайским, Индостаном и Аравийским, на западе – полуостровом западноевропейским. Все великие цивилизации – за исключением цивилизации египетской – родились и достигли своего расцвета на этом материке... Борьба цивилизаций восточных и западных, Востока и Запада, есть борьба великого северного континента с его западным полуостровом»²⁹.

Согласно Бунакову, уникальное географическое положение Западной Европы предопределило ее историко-культурную динамику: «Западноевропейский полуостров точно купается в окружающей его морской стихии. Его “береговое кружево” удивительно тонко и узорчато... Климат здоровый, крепкий, возбуждающий энергию... Население деятельное, предприимчивое, влюбленное в “мир”, напрягающее свою волю на формирование “явлений”... Природа, история и культура сделали из западноевропейского полуострова мировую фабрику, мировую торговую и банкирскую контору»³⁰.

Что касается России, то ее пространственную локализацию Бунаков очерчивает следующим образом: «На востоке от западноевропейского полуострова, приблизительно по линии, идущей от устья Немана до устья Дуная, в глубь материка развертывается великая северная равнина (выделено мной. – А.К.). На всем земном шаре нет равной или приближающейся к ней по необъятности. Она тянется на многие тысячи верст с запада на восток вплоть до реки Енисей и с севера на юг от Белого до Черного моря и от берегов Ледовитого океана до гор Гиндукуша»³¹.

²⁷ Алданов М. «Современные записки». Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Книга 2 // Последние новости. 1921 (3 февраля). № 242. С. 3.

²⁸ Бунаков И. Пути России. Статья седьмая // Современные записки. 1927. Кн. XXXII. С. 229.

²⁹ Бунаков И. Пути России. Статья третья (начало) // Современные записки. 1921. Кн. VII. С. 237.

³⁰ Там же. С. 237–238.

³¹ Там же. С. 238.

Согласно Бунакову, «история земли» была удивительно спокойной на этой части земного шара... Море и ледники выгладили легкие шероховатости поверхности. Лишь по середине великой равнины проходит легкая складка земной коры – Уральский хребет. Фантазия истории, произвольно чертившая линию раздела между «Европой» и «Азией», придала этому хребту характер какой-то таинственной значительности. На самом деле географическое значение Уральского хребта ничтожно... Великая северная равнина и географически, и исторически – единое целое»³².

Фактически, говоря о геокультурной идентичности России, Фондаминский отходит от привычной системы координат «Запад-Восток» или «Европа-Азия», и предпочитает говорить о «*России как Севере*»: «Великая северная равнина лежит на берегу Ледовитого океана. Западные европейцы – в ту эпоху, когда Россия еще не была «открыта», – говорившие о таинственной стране, лежащей на берегах Ледовитого океана, были недалеко от истины. Лишь недоступность Ледовитого океана для плавания и торговых сношений заставляет забывать, что береговая линия Северной равнины и раскинувшегося на ней русского государства далеко не так мала. Трагедия России не только в том, что это самая «континентальная» страна на свете, что ее жизненные пункты отстоят на тысячу верст от морского берега. Трагедия России в том, что ее «береговое кружево» сковано льдами Ледовитого океана, что великие русские реки несут свои воды в этот «мертвый» океан»³³.

Погружая историю России в этот пространственный контекст, Бунаков-Фондаминский выдвигает оригинальную концепцию российской цивилизации как «*Востока на Севере*». По его мнению, «русские историки, в своих научных построениях, восстанавливали государственное здание Российской Империи по западным образцам: клали в основу классы и сословия, над ними воздвигали государственные учреждения и всё здание заключали императорской властью. Но такое построение – только иллюзия западного отблеска на имперском здании»³⁴.

В действительности, полагает Бунаков, «русское здание» строилось не так: «Как Бог творит мир из себя, так и его земной наместник «сам строит» свое царство – народ только глина в руках строителя. В Российской Империи классы, сословия и государственные учреждения – творения царя. Собственного бытия они не имеют. Если многим это казалось иначе, то только потому, что русские императоры два века старались покрыть свои государственные творения формами, взятыми с Запада и к другому порядку вещей принадлежащими»³⁵.

По мнению Бунакова, Московское царство надо прежде всего сопоставлять с «*великими восточными теократиями*»: «Почему Московское царство

³² Бунаков И. Пути России. Статья третья (начало). С. 238–239.

³³ Там же. С. 239. В последние годы в нашей литературе усилился интерес к «северянской идентичности» России. Сошлюсь, в частности, на ряд моих работ: Кара-Мурза А.А. «Россия как Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв. // Философские науки. 2017. № 8. С. 121–134; Кара-Мурза А.А. Поэт-философ Иван Ореус-Коневской – культовая фигура «русского северянства» Серебряного века // Человек. 2020. Т. 31. № 3. С. 155–172; Кара-Мурза А.А. Россия как «Север»: проблемы цивилизационной идентичности в философии Бориса Пастернака (к 130-летию со дня рождения) // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. № 2. С. 5–20.

³⁴ Бунаков И. Пути России. Империя IV // Современные записки. 1933. Кн. LII. С. 310.

³⁵ Там же.

так мало походит на государства Запада и так удивительно напоминает монархии Востока? Почему, военное по форме, оно многими чертами своего строения сливается с мирным царством древнего Египта? Ответ может быть один: Московское царство – *восточное*. Оно имеет свои черты лица, свою индивидуальность, свой стиль, но оно входит в высшее единство – культурный округ Востока – и несет на себе печать его духовного облика»³⁶.

И дело тут не в отдельных заимствованиях и подражаниях: «Дело в общности духовной атмосферы, в общих путях исторической жизни. Весь строй народной души Московского царства – восточный, и весь стиль его культуры – с Востока. Православное Московское царство – *великая восточная теократия*. Как во всех восточных теократиях, вся жизнь Московского царства пронизана религией и верой в Бога. Нет автономного государства, хозяйства, права, нравственности, искусства и быта... Служение Богу и его земному наместнику – царю и есть основное начало московской жизни»³⁷.

Бунаков отмечает, что в западной историографии «русские смуты» обычно приводятся в качестве доказательств «неустойчивости государственного строя»: «Но, на самом деле, они доказывают противное. Ибо что такое “смута” в глазах московских людей? И во имя чего московские люди поднимались? Смута – когда московские люди были “безгосударны”. И всегда они поднимались во имя Бога и государя»³⁸.

В своих «Путях России» И.И. Бунаков-Фондаминский неоднократно отмечает, что вплоть до реформ Петра «Московия» фактически мало отличалась от других азиатских государств: «Как в государствах Востока – Индии, Китая, Японии, – в Московской России выработалась гордая национальная самоуверенность, непоколебимое сознание своего превосходства над всеми другими народами... Московское государство всячески ограничивало доступ иностранцев в свои пределы, лишь в исключительных случаях разрешало своим подданным выезд в чужие страны и принимало все меры к тому, чтобы сохранить свой национальный строй нетронутым»³⁹.

Только с XVIII в. западная цивилизация начинает распространяться в России: Северная Евразия «решительно отворачивается от Востока и обращается к Западу. Петра Великого, совершившего этот переворот, считают самым большим русским гением...»⁴⁰. Однако реформы Петра – «только западный отблеск на старом восточном лице московской России»: «Подлинные черты лица изменились мало... Приказывая все делать с примеру сторонних чужих земель, Петр Великий, в государственном строительстве, поступал осторожно и с разбором: брал для постройки из европейских образцов то, что “с ситуацией сего государства сходно”»⁴¹.

Аналогичным образом обстояло дело и при Екатерине: «Екатерина Великая – человек Запада... Как и большинство просвещенных западных людей ее времени, она была равнодушна к религии и, если допускала существование Бога, то по Вольтеру, как Творца вселенной... Но Екатерина была умной женщиной и имела талант властвования... Как всякая власть в мире, так и российская императорская могла держаться только на душах людей. Души же

³⁶ Бунаков И. Пути России. Империя IV. С. 310.

³⁷ Бунаков И. Пути России. Статья седьмая. С. 229–230.

³⁸ Там же. С. 231.

³⁹ Бунаков И. Пути России. Статья вторая. С. 277.

⁴⁰ Там же. С. 277–278.

⁴¹ Бунаков И. Пути России. Империя I // Современные записки. 1932. Кн. XLVIII. С. 305–306.

русских людей, в ее время, за малыми исключениями, были крепко православными. Вот почему еще задолго до вступления на престол, только в предвидении такой возможности, она, с обычной своей решительностью, мужественно преодолела свое религиозное безразличие и ревностно принялась за изучение православного закона; а когда взойшла на престол, строго вела себя так, как подобает благочестивой и православной государыне»⁴². Иначе говоря, «в государственном строительстве России, метод Екатерины – метод Петра: строить новое западное государство, не трогая старых восточных основ»⁴³.

Подлинная европеизация Северной империи, по мнению Бунакова, начинается только с эпохи Великих реформ Александра II: «Западная цивилизация начинает медленно, но неуклонно, спускаться в низы народа. Падают московские устои народной жизни – крепостная неволя, тягло и рекрутчина. Западные взгляды на мир, государство и личность постепенно проникают в народное сознание»⁴⁴. «Но не надо себя обманывать, – продолжает Бунаков. – Переход от восточной священной теократии к западному правовому государству – спуск среди круч и пропастей. Перелив западной культуры в восточное народное сознание – операция еще более мучительная и опасная... Западные идеи, проникая в восточное сознание, создают еще невиданную и часто взрывчатую смесь»⁴⁵.

Еще накануне Первой мировой войны, согласно Бунакову, «в низах народной жизни – в быту, хозяйстве и сознании – непочатые пласты Востока и Москвы»: «Европа сюда как будто бы и не заглядывала. Когда революция раскрыла народные недра, эти пласты поднялись наверх. Вот почему Великая российская революция многими своими чертами так удивительно напоминает старый московский бунт – “бессмысленный и беспощадный”. Вот почему современное советское государство, вышедшее из революции, так странно походит на старое крепостное Московское царство. И революция, и советское государство только по-западному задуманы – выведены и сколочены они по восточному и из наполовину восточных материалов»⁴⁶.

Гибель Империи: «Орден интеллигенции» против теократической государственности»⁴⁷

В 1931 г. в Париже вышел первый номер журнала «Новый град», который стал плодом тесного интеллектуального сотрудничества трех «золотых перьев» русской эмиграции – Ильи Фондаминского, Федора Степуна и Георгия Федотова. Фондаминский-Бунаков был представлен на этой «премьере» принципиальной статьей «Пути освобождения», написанной на основе некоторых переработанных текстов из «Современных записок» и новых материалов и размышлений⁴⁸.

⁴² Бунаков И. Пути России. Империя I. С. 313–314.

⁴³ Бунаков И. Пути России. Империя V // Современные записки. 1933. Кн. LIV. С. 281.

⁴⁴ Бунаков И. Пути России. Империя I. С. 324.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 325.

⁴⁷ Оригинальная историософская концепция И.И. Бунакова-Фондаминского была мною представлена на Международной научной конференции «Гибель Империй. 1918» в НИУ-Высшая школа экономики 22–23 ноября 2018 г., где я выступил с пленарным докладом: «Проблема “гибели Империи” в эмигрантских трудах И.И. Бунакова-Фондаминского».

⁴⁸ См.: Бунаков И. Пути освобождения // Новый град. 1931. № 1. С. 31–48.

Главной мишенью Бунакова-Фондаминского в «Путиях освобождения» является западническое «клише», будто «русская императорская власть была властью тиранической и основанной на насилии и угнетении народа»⁴⁹. На это Бунаков возражает: «Не надо забывать, что императорская Россия вплоть до второй половины 19 века – а вернее вплоть до его конца – была Россией “средневековой”. Вся жизнь снизу и доверху была суровой и мрачной. Императорская власть была не более жестокой, чем власть крестьянина в его семье»⁵⁰.

Под «тиранической, основанной на насилии властью», – рассуждает далее Бунаков, надо понимать другое – «власть, ненавистную народу, утверждающую себя против его воли»: «Но этого не было в императорской России. Было обратное – императорская власть управляла с молчаливого согласия народа, окруженная его любовью и благоговением. Для народа Император оставался тем же, чем был московский царь – Помазанником Божиим, его наместником на земле»⁵¹.

Чем же тогда объяснить бунты и восстания, не прекращавшиеся во весь императорский период? – задается вопросом Бунаков. И отвечает: «Конечно, положение народа было тяжкое, и тяжесть положения вызывала недовольство. Но это недовольство никогда не было направлено против самодержавной власти, и в особенности против ее носителя. Напротив, когда народ восставал, он восставал в защиту законной власти против ее врагов или в защиту подлинного царя против подменного. Государственная идеология восставших и подавлявших восстание была всегда тождественной»⁵².

Действительно, «против кого восставали сторонники Пугачева? В чье имя? – Против узурпировавшей императорскую власть Екатерины II – во имя законного императора Петра III»⁵³. «Только твердо укрепившись в вере, что перед ними – истинный, подлинный, законный государь, шли к нему (Пугачеву. – А.К.) имперские люди – казаки и крестьяне, заводские и помещичьи, и священники с церковным причтом, и даже офицеры-дворяне. Шли с любовью и радостью, обливаясь слезами, с хоругвями и крестами и колокольным звоном. Шли не как бунтовщики и разбойники против освященной власти, а как верноподданные рабы, по прежней своей присяге, под скипетр и корону законного государя преклонившиеся»⁵⁴.

О глубочайшей вере русского человека в помазанника-царя свидетельствовало, по мнению Бунакова и так называемое «восстание декабристов» 14 декабря 1825 г.: «Для нашей левой общественности, декабрьское восстание – начало открытой борьбы русского народа с самодержавием. Но это историческая иллюзия. На самом деле было иное. Несколько сот гвардейских офицеров, увлеченных свободолобивыми идеями Запада, охваченных воспоминаниями о греческой и римской республиканской доблести, решили сделать попытку захватить власть, чтобы установить в России свободный государственный строй. Ни народ, ни армия не слышали об этом и намека»⁵⁵.

⁴⁹ Бунаков И. Пути освобождения. С. 32.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 33.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Бунаков И. Пути России. Империя II (начало) // Современные записки. 1932. Кн. XLIX. С. 292.

⁵⁵ Бунаков И. Пути освобождения. С. 33.

«Чтобы увлечь за собой народ и армию, – продолжает Бунаков, – заговорщики воспользовались междуцарствием. Никто не знал точно, кто законный царь: Константин, которому уже присягали, или Николай, которому надо снова присягать. На святости присяги и построена была вся стратегия заговора... Два царя, две присяги – трагедия верности царю и присяге, и ни тени протеста и возмущения против власти: вот что такое в глазах русского народа декабрьское восстание»⁵⁶.

И, наконец, последний пример – уже из последней трети XIX в.: «Народники-революционеры идут в народ, чтобы поднять его против самодержавной власти. Народ видит в них врагов царя – дворян, вставших на царя за крестьянское освобождение; и выдает их власти»⁵⁷.

...Итак, «Империя ширилась, хозяйственно крепла, имела большой международный престиж, опиралась на любовь и преданность народа и..., тем не менее, рассыпалась в прах. Почему?», – задает вопрос Бунаков. И отвечает: «Потому что “сознание разошлось с бытием”. Потому что душа народа ушла от Империи»⁵⁸.

Начало этого «исхода народной души» из тела громадной Империи Бунаков видит в единичном, малозначимом, на первый взгляд, факте: «В царствование Екатерины, в Европу – Лейпциг – была послана группа молодых дворян учиться западной науке... Радищев вернулся в Россию, зажженный идеями западного Просвещения – права, личности и свободы. И всё, в блестящей Российской Империи, показалось ему ненавистным и мрачным – императорское самовластие, крепостное право, нищета и унижение народа»⁵⁹.

«Душа моя страданиями человечества уязвлена стала», – цитирует Бунаков Радищева: «И зажженная светом новой истины душа Радищева ушла от Империи. Отблеском этого света и была его знаменитая книга “Путешествие из Петербурга в Москву”. Книга Радищева произвела на Екатерину громадное впечатление: “тут рассеяние французской заразы: отвращение от начальства; автор Мартинист... он бунтовщик хуже Пугачева”»⁶⁰.

И Екатерина была права, – подтверждает Бунаков: «Радищев был опаснее для Империи, чем Пугачев. Пугачев поднял бунт “бессмысленный и беспощадный” и потому бесплодный; Радищев положил начало освободительному движению, закончившемуся взрывом Империи: его книга – первая трещина в грандиозном здании императорской России»⁶¹.

Именно с Радищева, согласно Бунакову, начинается русское освободительное движение: «Душа от души, точно свеча от свечи, зажигается светом новой истины и уходит от Империи. Сначала это одинокие души, бродящие в грандиозной Империи, как в пустыне. Потом они сходятся в небольшие группки, кружки и, наконец, объединяются в *духовный орден русской интеллигенции* (курсив мой. – А.К.), наружно незримый и даже тайно не оформленный»⁶².

С внешней стороны в Империи практически ничего не меняется: «Рыцари ордена ведут мирный образ жизни, как будто ничем не отличный

⁵⁶ Бунаков И. Пути освобождения. С. 33.

⁵⁷ Там же. С. 34.

⁵⁸ Там же. С. 35.

⁵⁹ Там же. С. 36.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 36–37.

⁶² Там же. С. 37.

от окружающего; только немногие и не всегда самые доблестные становятся заговорщиками и революционерами. В громадном большинстве, члены ордена – люди высших классов, почти без исключения – военные и чиновники. И, тем не менее, перемена громадная: в теле Империи родилось новое чужеродное ей тело; в теократическом крепостном царстве создан духовный круг свободы»⁶³.

«Люди Ордена» постепенно разлагают Империю изнутри: «Империя чувствует грозящую ей опасность и ведет с ними беспощадную борьбу. Но борьба эта почти безнадежна. Каждый новый удар Империи по Ордену – новая победа Ордена. Сковывая свободное выражение слова, Империя подымает творческое духовное напряжение на такую высоту, которая при иных условиях была бы невозможной. Преследуя орденских людей, она создает из них героев и мучеников. Отправляя их в изгнание, она разносит духовную заразу по стране. Посылая на виселицу, наносит себе непоправимые удары...»⁶⁴.

В 1920–1930-е гг., в «Современных записках», И.И. Бунаков-Фондаминский неоднократно отмечал, что решающий удар по десакрализации русской теократии нанесла первая русская революция, а затем мировая война: «Еще в 1905 году, – по свидетельству большевицких агитаторов, – о царе в деревне надо было говорить с величайшей осторожностью. Народ еще любил царя, хотя уже и начал в нем сомневаться. В период между первой революцией и войной таяние царелюбия шло неудержимо. Во время войны душа народа ушла от царя окончательно. Вместе с царелюбием пала основная опора императорской власти. Российская Империя стояла перед надвигающейся революцией беспомощной»⁶⁵.

Об этом же Бунаков напишет и в своих «Пути освобождения» в «Новом граде»: «К началу Великой войны подвиг (Ордена интеллигенции. – А.К.) окончен: души уведены. Грандиозная Империя обездушена. Это – сухой покров, изнутри пустой. При первом столкновении он рассыпался в прах...»⁶⁶.

Историсофская концепция И.И. Бунакова-Фондаминского, которая современниками была определена как «нео-славянофильская»⁶⁷, еще нуждается в подробном анализе и новом осмыслении. В любом случае, очевидно, что философско-историческое наследие этого человека – мыслителя-энциклопедиста, политического борца и христианского новомученика – заслуживает безусловного внимания и уважения.

Список литературы

Алданов М. «Современные записки». Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Книга 2 // Последние новости. 1921 (3 февраля). № 242. С. 3.

⁶³ Бунаков И. Пути освобождения. С. 37.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Бунаков И. Пути России. Империя I. С. 333.

⁶⁶ Бунаков И. Пути освобождения. С. 38.

⁶⁷ См. напр., авторитетное рассуждение выдающегося эмигрантского богослова и исследователя православной культуры Николая Михайловича Зёрнова (1898–1980) в кн.: «За рубежом». Белград – Париж – Оксфорд. Хроника семьи Зёрновых (1921–1972). Париж, 1973. С. 125.

- Бунаков И. Пути освобождения // Новый град. 1931. № 1. С. 31–48.
- Бунаков И. Пути России. Статья первая // Современные записки. 1921. Кн. II. С. 141–177.
- Бунаков И. Пути России. Статья третья (начало) // Современные записки. 1921. Кн. VII. С. 237–260.
- Бунаков И. Пути России. Статья четвертая // Современные записки. 1922. Кн. XII. С. 164–210.
- Бунаков И. Пути России. Статья седьмая // Современные записки. 1927. Кн. XXXII. С. 216–278.
- Бунаков И. Пути России. Империя I // Современные записки. 1932. Кн. XLVIII. С. 304–333.
- Бунаков И. Пути России. Империя II (начало) // Современные записки. 1932. Кн. XLIX. С. 289–317.
- Бунаков И. Пути России. Империя IV // Современные записки. 1933. Кн. LII. С. 310–338.
- Бунаков И. Пути России. Империя V // Современные записки. 1934. Кн. LIV. С. 281–316.
- Гаккель С., свящ. Мать Мария. 2-е изд. Париж: Имка-пресс, 1992. 279 с.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
- «За рубежом». Белград – Париж – Оксфорд. Хроника семьи Зёрновых (1921–1972) / Ред. Н.М. и М.В. Зёрновы. Париж.: Имка-пресс, 1973. 561 с.
- Зензинов В.М. Памяти И.И. Фондаминского-Бунакова // Новый журнал. 1948. Кн. 18. С. 299–317.
- Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 416 с.
- Кара-Мурза А.А. Российский путь цивилизационного развития: «преемственность через катастрофы» (памяти В.М. Межуева) // Полилог/Polylogos. 2020. Т. 4. № 3. DOI: 10.18254/S258770110012818-1.
- Кара-Мурза А.А. Россия как «Север»: проблемы цивилизационной идентичности в философии Бориса Пастернака (к 130-летию со дня рождения) // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 2. С. 5–20.
- Кара-Мурза А.А. «Россия как Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв. // Философские науки. 2017. № 8. С. 121–134.
- Кара-Мурза А.А. Поэт-философ Иван Ореус-Коневской – культовая фигура «русского северянства» Серебряного века // Человек. 2020. Т. 31. № 3. С. 155–172.
- Островская И.В. Выборы во Всероссийское Учредительное Собрание: Севастополь, сентябрь–декабрь 1917 г. // Причерноморье. История, политика, культура. 2018. № 24. С. 67–73.
- Полторацкая А.Н. Дневниковые записи Василия Сухомлина // Дом князя Гагарина: сборник научных статей и публикаций. Вып. 4. Одесса: Моряк, 2007. С. 220–233.
- Kara-Murza A.A. Between East and West: Russian Identity in the Émigré Writings of Ilya Fondaminsky and Semyon Portugeis // The Palgrave Handbook of Russian Thought / Ed. by M. Vyukova, M. Foster, L. Steiner. London: Palgrave Macmillan, 2021. P. 293–316.

Eastern theocracy in Northern Eurasia: “The Ways of Russia” in the historiography of I.I. Bunakov-Fondaminsky

Alexei A. Kara-Murza

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

The article examines the question of the evolution of the philosophical and historical views of the Russian intellectual and politician Ilya Isidorovich Fondaminsky (1880–1942; literary and political pseudonym “Bunakov”). A native of a Jewish merchant family who studied philosophy in Berlin and Heidelberg and an active socialist-revolutionary, I.I. Bunakov-Fondaminsky became one of the key figures of the Russian emigration. During the German occupation of France, he received Orthodox baptism and ended his life in a Nazi concentra-

tion camp (in 2004, he was canonized by the Patriarchate of Constantinople). The author focuses on the historiosophical concept of “Ways of Russia”, set forth by I.I. Bunakov-Fondaminsky in the articles of the 1920s and 1940s in the Parisian emigrant magazines “Modern Notes” and “Novy Grad”. According to Bunakov-Fondaminsky, historical Russia is “The East in the North”, and its fate is the history of the “eastern theocracy in the north of Eurasia”, for several centuries “irradiated” by the western waves.

Keywords: Bunakov-Fondaminsky, Russia, philosophy, history, civilizational identity, emigration

For citation: Kara-Murza, A.A. “Vostochnaya teokratiya na severe Evrazii: ‘Puti Rossii’ v istoriosofii I.I. Bunakova-Fondaminskogo” [Eastern theocracy in Northern Eurasia: “The Ways of Russia” in the historiosophy of I.I. Bunakov-Fondaminsky], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 2, pp. 5–20. (In Russian)

References

- Aldanov, M. “‘Sovremennye zapiski’. Ezhemesyachnyi obshchestvenno-politicheskii i literaturnyi zhurnal. Kniga 2” [‘Modern notes’. Monthly socio-political and literary magazine. Book 2], *Poslednie novosti*, 1921, No. 242, p. 3. (In Russian)
- Bunakov, I. “Puti osvobodzheniya” [The Ways of Liberation], *Novyi grad*, 1931, No. 1, pp. 31–48. (In Russian)
- Bunakov, I. “Puti Rossii. Stat’ya pervaya” [The ways of Russia. Art. 1], *Sovremennye zapiski*, 1921, Vol. II, pp. 141–177. (In Russian)
- Bunakov, I. “Puti Rossii. Stat’ya tret’ya (nachalo)” [The ways of Russia. Art. 3], *Sovremennye zapiski*, 1921, Vol. VII, pp. 237–260. (In Russian)
- Bunakov, I. “Puti Rossii. Stat’ya chetvertaya” [The ways of Russia. Art. 4], *Sovremennye zapiski*, 1922, Vol. XII, pp. 164–210. (In Russian)
- Bunakov, I. “Puti Rossii. Stat’ya sed’maya” [The ways of Russia. Art. 7], *Sovremennye zapiski*, 1927, Vol. XXXII, pp. 216–278. (In Russian)
- Bunakov, I. “Puti Rossii. Imperiya I” [The ways of Russia. Empire I], *Sovremennye zapiski*, 1932, Vol. XLVIII, pp. 304–333. (In Russian)
- Bunakov, I. “Puti Rossii. Imperiya II (nachalo)” [The ways of Russia. Empire II], *Sovremennye zapiski*, 1932, Vol. XLIX, pp. 289–317. (In Russian)
- Bunakov, I. “Puti Rossii. Imperiya IV” [The ways of Russia. Empire IV], *Sovremennye zapiski*, 1933, Vol. LII, pp. 310–338. (In Russian)
- Bunakov, I. “Puti Rossii. Imperiya V” [The ways of Russia. Empire V], *Sovremennye zapiski*, 1934, Vol. LIV, pp. 281–316. (In Russian)
- Danilevskii, N.Ya. *Rossiya i Evropa. Vzgljad na kul’turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Roman world]. Moscow: Institut russoi tsivilizatsii Publ., 2008. 816 pp. (In Russian)
- Gakkel, S. *Mat’ Mariya* [Mother Mary], 2nd ed. Paris: Ymka-Press, 1992. 279 pp. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. “‘Rossiya kak Sever’. Metamorfozy natsional’noi identichnosti v XVIII–XIX vv.” [‘Russia as the North’. Metamorphoses of national identity in the XVIII–XIX centuries], *Filosofskie nauki*, 2017, No. 8, pp. 121–134. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. “Between East and West: Russian Identity in the Émigré Writings of Ilya Fondaminsky and Semyon Portugeis”, *The Palgrave Handbook of Russian Thought*, ed. by M. Bykova, M. Foster and L. Steiner. London: Palgrave MacMillan, 2021, pp. 293–316. (In English)
- Kara-Murza, A.A. “Poet-filosof Ivan Oreus-Konevskoi – kul’tovaya figura ‘russkogo severyanstva’ Serebryanogo veka” [The poet-philosopher Ivan Oreus-Konevskoy is a cult figure of the Russian Silver Age], *Chelovek*, 2020, Vol. 31, No. 3, pp. 155–172. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. “Rossiiskii put’ tsivilizatsionnogo razvitiya: ‘preemstvennost’ cherez katastrofy” (pamyati V.M. Mezhuveva) [The Russian way of civilizational development: ‘Continuity through catastrophes’ (in memory of V.M. Mezhuvev)], *Polilog/Polylogos*, 2020, Vol. 4, No. 3. DOI: 10.18254/S258770110012818-1. (In Russian)

- Kara-Murza, A.A. "Rossiya kak 'Sever': problemy tsivilizatsionnoi identichnosti v filosofii Borisa Pasternaka (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya)" [Russia as the 'North': Problems of Civilizational Identity in the Philosophy of Boris Pasternak (on the 130th anniversary of his birth)], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 2, pp. 5–20. (In Russian)
- Ostrovskaya, I.V. "Vybory vo Vserossiiskoe Uchreditel'noe Sobranie: Sevastopol', sentyabr'-dekabr' 1917 g." [Elections to the All-Russian Constituent Assembly: Sevastopol, September-December 1917], *Prichernomore. Istoriya, politika, kul'tura*, 2018, No. 24, pp. 67–73. (In Russian)
- Poltoratskaya, A.N. "Dnevnikovye zapisi Vasiliya Sukhomlina" [Diary entries of Vasily Sukhomlin], *Dom knyazyza Gagarina: sbornik nauchnykh statei i publikatsii*, Vol. 4. Odessa: Moryak Publ., 2007, pp. 220–233. (In Russian)
- Zenzinov, V.M. "Pamyati I.I. Fondaminskogo-Bunakova" [In memory of I.I. Fondaminsky-Bunakov], *Novyi zhurnal*, 1948, Vol. 18, pp. 299–317. (In Russian)
- Zenzinov, V.M. *Perezhitoe* [My Experience]. New York: Chekhov Publ., 1953. 416 pp. (In Russian)
- Zernov, N.M. & Zernov, M.V. (eds.) *'Za rubezhom'. Belgrad - Parizh - Oksford. Khronika sem'i Zernovykh (1921–1972)* ['Abroad'. Belgrade-Paris-Oxford. Chronicle of the Zernov Family (1921–1972)]. Paris: Ymka-Press, 1973. 561 pp. (In Russian)